Души

Автор:
Алексей Завидовский

Души

Алексей Вольдович Завидовский

Самый главный Судья при всём своём абсолютном знании всех и вся очень далёк от того, чтобы вершить скорый уничижительный суд: иной раз мизерная милость, микроскопическая в глазах человеческого общества, для Судьи перевешивает тонны лицемерного благочестия и даже всю жизнь, наполненную, казалось бы, непростительными преступлениями против Жизни и самого Судьи… "Не жертвы хочу, но милости"… Рассказы из цикла – не о вине и виноватых, там – о душах…

Наташа

Можно вас на минуточку?

У вас есть пятьдесят копеек вашего драгоценного времени? Нет, не времени, а денюжек…Хотя причём тут деньги, когда уже нет времени. Совсем. Когда ты мертва – упала, грязная, вонючая, между мусорными контейнерами, упившись суррогатом, и замёрзла. А может, не замёрзла. Может, просто сердце не выдержало. Сердце… А было ли оно? Сердце.

То, что билось под когда-то красивой грудью, которую так любили мять и тискать, было пульсирующей мышцей. А сердце? Где оно, сердце? Неужели вырвано – тогда, теми самыми щипцами, которые проникли внутрь и оборвали то самое, ради чего и стоило жить, ради чего всё и было, ради доченьки…

Доченька, доченька, доченька… Ты идёшь, такая красивая, юная, живая. Можно тебя на минуточку? Есть у тебя?..

Что же попросить?..

Прости меня, доченька! Прости меня, мамку твою, не родившую тебя!!! Прости меня…

А как же ты родилась? Как?! Как ты выросла такой красивой? Как – ты – спаслась от тех щипцов? Христос? Он, да? Он тебе помог? Христос, Боженька!!!

Невыносимо.

Надо выпить.

Заглушить, забыть, не чувствовать.

Так уже вроде бы всё: нечем чувствовать. Нетути тела. Подобрали, констатировали, кинули в топку. Вместе с сердцем. Которого не было. Или всё-таки было? А теперь – нет. Ничего нет, осталась только боль. И пустота вместо вечности.

Можно вас на минуточку?

И не знаю чего попросить. Пятьдесят копеек? А может, больше? Может, сразу на целый аптечный пузырёк получится урвать?

Доченька, помоги мне, пожалуйста. Мне не хватает на автобус; я тут задержалась; мне надо уехать, а нет денег. Или времени? Или жизни?!

Доченька!!!

Подайте на еду, или купите чего-нибудь поесть…

Нет, не то. Всё, не то. А как по другому? Как простить себя!

Как насобирать кармашек грошиков, чтобы выкупить на них прощение?!

Как вернуться обратно?

Как забыть?

Как найти то, что безвозвратно потеряно

Подайте…

И каждый раз – словно в бездонную пропасть.

Не вырваться.

Ведьма

Сталина на них на всех не хватает. Ууу, ненавижу!

Во время войны, при немцах, и то лучше жилось. Поглядит на тебя немецкий солдат ласково, подзовёт и даст шоколадку. А наши пришли, понавесили везде портреты Сталина, и ни шоколадок тебе, ни поесть нормально до самого замужества не получалось. Но и там – недолго-то жировала. Почти сразу забрюхатил меня «благоверный мой», да – славатебегосподи, – случился выкидыш. Потом всё-таки родила: одного, через год – дочка старшая на свет появилась. Когда третьего заделали, муж говорит, что, дескать, хватит, не потянем, иди на аборт. Ну, и пошла. И второй раз пошла. А на третий раз, думаю, хватит – буду рожать. Тогда муженёк-то мой в очередной раз напился и стал ногами бить меня в живот, ну, а я, недолго думая, пырнула его ножом куда пониже, жаль – не попала, куда метила. Врачи его выходили, а меня судить хотели, но не посадили; муженёк слёзно умолял, что детям нельзя без матери. Так я и третьего родила, а потом – четвёртого, девочку младшенькую, которая умерла школьницей. Первенец мой, сынок, тоже умер; точнее, поломался весь на стройке, ну и не захотел жить обузой. Пятого, мальчика, родила поздно; думали не выживет, но оклемался, выжил. Без работы сейчас сидит, да ждёт, как бы до пенсионного возраста дожить. Муж умер лет десять назад. Сейчас – совсем

одна. Дочка иногда навещает, но она мне не может помогать, у неё своих детей, взрослых, неприкаянных, двое, денег постоянно не хватает. А так ряженки хочется! И дров нет, нечем топиться; что на соседских мусорных кучах с ветками найду, тем и топлю. С соцслужбы ко мне никто не ходит, вообще, почти никто не ходит, никому я не нужна. А бог? Что – бог… Сталина надо вернуть, чтобы поубивал всех.

Дитё

Что тебе с того? Ведь не запрещено. Правильно, не запрещено? А если хочется? Ну и что, что «маленькая». Да все подружки уже давно попробовали. И не намного раньше других. Просто захотелось, и ничего тут страшного, зато – как приятно! Женщина для этого и создана, и девочка. Девочка – чтобы стать женщиной. Пускай другие в куклы играют. Пока не попробуют; а когда всё по-взрослому, по-настоящему – уже и не хочется детских игрушек. Секс – это круто! Даже сейчас. А что изменилось? Так даже интереснее жить стало. Было немного страшно, а сейчас – радуюсь. Нет, не брошу, это моё. Не планировала, хотя знала, что так получится. Не боялась, думала: любит. Поверила ему, поверила. Все считали малолетней соской, только в кусты звали, а этот – стал встречаться. Провожал, подарки дарил, даже жили немного вместе. Само собой как-то получилось. Первые недели две – только целовались, да и то: робким он был, хотя уже школу закончил. Один раз гуляли допоздна, хотя погода была не очень. Проводил и заторопился к себе. Потом вернулся; дождь сильный пошёл. Ну, пусти меня! Пусти. Пусти!.. Вот и пустила. Нет, не жалею, хотя: не знаю. А как по-другому? Нет, не жалуюсь. Пособие вон платят, коляска детская есть, мама очень помогает. Школу хочу закончить. Да, радуюсь, и счастлива. Наверное. Никого не виню.

Тень

Быть добру, быть.

А курева нет, и курить хочется.

Ещё хочется ясности: понять, ухватить ту самую главную мысль, которая всё объяснит. Таблетки забирают ясность, а от уколов – ещё хуже.

Таблетки забирают силу, но без таблеток – накрывает, а в больнице – совсем с куревом плохо. Там, даже если и есть, то могут отобрать: прямо из рук вырывают те, кто сильней, а санитары вмешиваются, только когда начинают бить. Либо могут сделать виноватым как зачинщика драки, и положить на вязки, а быть привязанным к кровати: один, второй, третий час, всю ночь, – это жутко.

Могут для пущего эффекта уколоть, могут колоть каждый вечер, а то и – по два-три раза за день и не давать циклодол. Тут даже вязок не надо, чтобы ополоуметь: так скручивает все мышцы, что не можешь ни спать, ни ходить нормально, а ложку с кашей приходится придерживать второй рукой и тянуться головой. Вот она кашка родимая: жиденькая, без маслица, с двумя кусочками хлеба – еда. Еда!

Шею выворачивает в сторону, кисти рук закручиваются, как у церебральщика, но ложку надо удержать: сквозь тихие слёзы, сквозь зажатый вой, но надо удержать. Ведь никто не придёт – не принесёт передачку с ещё тёплой домашней едой, никто не придёт – не заставит врачей дать циклодол, не защитит от уколов, никто… Никто не принесёт хороших сигарет, а санитары с врачами: большую часть пенсии забирают себе, а на остальные – когда-никогда купят – самых дешёвых, без фильтра. Родственнички пытались и пытаются забрать всю пенсию себе, даже когда из больницы выпускают, а в больницу приходят только для того, чтобы грозить судом и требовать оставить пенсию им. Но это против правил: пенсия отходит больнице вместе с больным. Поэтому могут специально держать подольше, чтобы с инвалидной пенсии больше перепало. Поэтому, если кто непокорствует, того воспитывают – чтобы не спешил выздоравливать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zavidovskiy_aleksey/dushi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити